

Кроме этих сочетаний (они „постоянны“ в записях XIX—XX вв.), в текстах XVII в. есть значительное количество других, в которых прилагательные не могут быть названы постоянными эпитетами, так как сочетания эти встречаются редко или совсем не встречаются в поздних записях. Прилагательные в них, например: „мертвая жена“, „злая жена“, „вести недобрые“, „прямые неизменные вести“, „камка белая“, „камка венецкая“, „голуб скорлат“, „соседи ближние“, „войско безвинное“, „шутка тяжелая“, „шутка несвойская“, „стрела копейчатая“, „борцы умеющие“, „худые кони“, „отхожая горница“, „ножевое острие“ и т. д., указывают частный, временный признак, особенно важный по ходу действия, и служат резкому и категорическому выделению предмета из ряда ему подобных; встречаются сочетания, которые представляют собой термин, особое понятие: „посольский двор“, „пивной котел“, „мертвая вода“, „большая сажень“, „красное окно“, „калицкое платье“, „станные люди“, „великий князь“ и т. д.

Но дело не в том, вошли ли все эти сочетания прилагательных с существительными в поздние записи, т. е. являются ли они „постоянными“, а в том, какова семантическая и стилистическая функция прилагательных во всех этих сочетаниях в текстах XVII, XVIII, XIX, XX вв. „Постоянный эпитет“ характеризуется как эпитет украшающий.¹ В. М. Жирмунский в статье „К вопросу об эпитете“, суммируя результаты работ своих предшественников и намечая принципы новой классификации, считает не подлежащим сомнению, что „постоянный эпитет

„земля святорусская“, „чужая жена“, „человеческий голос“, „мертвая и живая вода“, „великий князь“. В бытline о Ставре: „грозен посол молод Василий Иванович“, „посольская палата“, „посольский двор“, „посольское место“, „посольские хоромы“, „посольское платье“, „государев двор“, „палата государева“, „борцы умеющие“, „крепкий лук разрывчатый“, „булатный нож“, „востро копьё“, „калена стрела копейчатая“, „гусли звончатые“, „руки белые“, „сваечка серебряная“, „колючко позолоченное“, „потеха молодецкая“, „платье дороженное“, „сбруя богатырская“, „жеребцы, кони латынские“, „робячья игра“. В „Сказании о киевских богатырях“: „белая палица“, „белый шелк“, „благочестивый царь Константин, царица Елена“, „богатырский голос, служба, сбруя, лошади, сряды“, „большая сажень“, „булатное копьё, пряжи, палицы“, „великая хлеб-соль, срамота, похвала, слава, сила, пагуба, выслуга, радость“, „венецкая камка“, „вольный человек“, „вострое копьё“, „вязовая палица“, „голубой скорлат“, „государева чаша, двор“, „грозный богатырь“, „громкий голос“, „добрые кони, слава, язык“, „золотые чепи“, „злаченные пуговицы“, „злые полки татарские“, „калицкое платье“, „калические гласы“, „красное окно“, „красный перепускной булат“, „красное золото“, „крепкие доспеки“, „молод Алеша Попович“, „млад Тугарин“, „милая братия“, „недобрый богатырь“, „прямые неизменные вести“, „несметная казна“, „перехожая калка“, „пивной котел“, „поганая сила татарская“, „русский богатырь“, „камень самоцветный пламень“, „светлое платье“, „серебряная цепь“, „серая свита“, „скорлатная гуня“, „славный богатырь“, „станные люди“, „стольный славный Киев град“, „татарская голова, полки, сила, речи“, „удальи молодец, богатырь, лошади“, „худые кони“, „царев двор, палата“, „черный волос“, „черкасское седло“, „четий жемчуг“, „чистое поле“.

¹ См., например, статью В. М. Жирмунского, где сделана попытка на более ограниченном исторически материале дать характеристику эпитета (Сб. „Памяти Сакулина“, М., 1931).